

Лапина Н.Ю. Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты: Альманах / Под ред. А.В. Дука. СПб., 2014. С. 137-160.

Лапина Н.Ю. Элитизм в России и Франции: К вопросу изучения проблемы (XX – начало XXI в.) // Политические институты России и Франции: Традиции и современность: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. М., 2014. С. 160-184.

Труд-Шастене П. Социальные движения протеста во Франции (интервью с профессором политических наук Университета Бордо П. Труд-Шастене) // Мировая экономика и международные отношения. М., 2014. № 6. С. 124-125.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

НиНИ – Новая и Новейшая история

ИМ – Историк-марксист

СВ – Средние века

ФЕ – Французский ежегодник

AHRF – Annales historiques de la Révolution française

IN MEMORIAM

Д.Ю. Бовыкин

ПАМЯТИ БРОНИСЛАВА БАЧКО

Оказавшись впервые в научной командировке в Париже и составляя список специалистов, с которыми я просил Дом наук о человеке организовать мне встречу, первым я указал Бронислава Бачко, выпустившего за несколько лет до того блестяще написанную, тонкую и глубокую книгу о Термидоре¹. Я и тогда считал, и сейчас убежден, что Бачко удалось создать лучшую за прошедшие два века работу об этом периоде Революции: никто лучше него не смог прочувствовать это время и донести его нюансы до современного читателя.

Бачко назначил мне встречу в кафе «Клюни» и на вопрос, как я его там найду, уверенно ответил: «О, вы сразу меня узнаете». И оказался прав: он не был похож ни на одного другого посетителя и больше всего напомнил мне героя книг братьев Стругацких Рудольфа Сикорски. К моему удивлению, он предложил говорить по-русски и больше часа терпеливо отвечал на мои бесконечные вопросы, а потом сказал, что теперь настала его очередь спрашивать. Я был несколько обескуражен: что я-то мог ему рассказать? Бачко же живо интересовался тем, что происходило в СССР, а затем и в России и не хотел упускать случая получить информацию из первых рук. И совершенно серьезно, только глаза смеялись, спросил: «Вот вы с отличием закончили Московский университет, знаете два иностранных языка и решили остаться работать историком. Скажите, вы идиот?» Для такого вопроса у него имелись все основания: аспирантская стипендия тогда составляла девять, кажется, долларов.

С тех пор мне не раз доводилось встречаться с Брониславом Бачко на различных семинарах и конференциях, обсуждать по переписке многочисленные термидорианские сюжеты, и, должен признаться, я полностью подпал под обаяние этого удивительно мудрого, спокойного, остроумного, очень доброго и ироничного человека. Русским он владел свободно, используя, правда, множество галлицизмов, и всегда настаивал, чтобы наши беседы велись именно по-русски. Отчего-то для него это было важно: подозреваю, что он видел во мне не просто молодого исто-

¹ *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989. Русский перевод: *Бачко Б.* Как выйти из Террора. Термидор и Революция. М., 2006.

рика, но оказавшегося на незнакомом ему Западе историка из бывшего социалистического лагеря, каким когда-то был и он сам, и ощущал определенный моральный долг меня поддержать и помочь. Когда одна из коллег, проходя мимо нас на коллоквиуме в Клермон-Ферране, удивленно прислушалась, а потом обронила: «А, это вы на своем?», Бачко усмехнулся и вполголоса по-русски повторил: «Да, это мы на своем». Тогда я еще не знал его биографии, полагал, что русский он изучал в школе или институте, и как-то поинтересовался, бывал ли он в Советском Союзе. «Я прошел всю вашу страну», – ответил он. И, видя мое недоумение, добавил: «Пешком». Больше к этой теме он никогда не возвращался.

13 июня Брониславу Бачко исполнилось 92 года. 29 августа его не стало. Он работал до последнего дня. В прошлом году во «Французском ежегоднике» была опубликована его очередная статья², а этим летом вышел в свет «Критический словарь утопии в эпоху Просвещения», над редактированием которого он вместе с двумя коллегами трудился с 2012 г.³

Бронислав Бачко родился в 1924 г. в Варшаве. Начало Второй мировой войны заставило его вместе со старшим братом перебраться в Восточную Польшу, куда вскоре вошли советские войска. Оба его родителя погибли в гетто, сам же он два года проработал в колхозе (по всей видимости, где-то за Уралом), и в 1943 г. был зачислен в сформированное на территории СССР Войско польское. Стал офицером, участвовал в освобождении Варшавы и дошел до Берлина.

Вступив в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), Бачко выбрал сферой своих интересов философию. В 1950 г. его приняли на работу в Институт подготовки научных кадров при Центральном комитете ПОРП. Там он занимался изучением прогрессивных тенденций в польской общественной мысли и через два года защитил диссертацию, посвященную тайному Польскому демократическому обществу, сложившемуся после восстания 1830 г. Затем Бачко преподавал историю философии в Варшавском университете. В 1956 и 1959 гг. при поддержке ЮНЕСКО и фонда Форда ему удалось дважды поработать в парижских библиотеках, сблизиться с коллегами из Шестой секции Высшей школы практических исследований. В Париже он изучал Руссо, что позволило ему позднее выпустить одну из своих главных книг⁴, которая принесла ему широкую известность.

² Бачко Б. Хорошие новости о Термидоре. Анри Мейстер посещает Париж // ФЕ 2015. М., 2015. С. 197-225.

³ Dictionnaire critique de l'utopie au temps des Lumières / Sous la dir. de B. Baczkowski, F. Rosset & M. Porret. P., 2016. 1400 p.

⁴ Baczkowski B. Rousseau: samotność i wspólnota. Warszawa, 1964 (французское издание: Baczkowski B. Rousseau, solitude et communauté. P., 1974).

Середина 1950-х гг. стала для Бронислава Бачко временем пересмотра взглядов на жизнь и науку, острых идеологических дискуссий, связанных с ростом антисемитизма, смертью Сталина, падением Берии, XX съездом КПСС, «оттепелью», польскими событиями 1956 года. Вместе с друзьями и коллегами он задавал тон в том, что впоследствии получит название «Варшавская школа истории идей»⁵. Власти, однако, подвергли критике ряд ученых, принадлежавших к этой «школе», обвинив их в «ревизионизме». С середины 1960-х гг. начались репрессии: обрушившись на «ревизионизм и сионизм», руководство партии и страны развязало тем самым одновременно и антиинтеллектуальную, и антисемитскую кампанию. Хотя в 1966 г. Бачко и стал профессором, вскоре его исключили из партии, уволили из университета и запретили другим исследователям ссылаться на его труды. В декабре 1969 г. он по приглашению Жана Эрара переехал во Францию и начал преподавать в университете Клермон-Феррана. Затем в 1973 г. коллеги, с которыми Бачко познакомился, занимаясь Руссо, пригласили его профессором в университет Женевы, где он и работал до выхода на пенсию в 1989 г.

К изучению Французской революции Бронислав Бачко пришел не сразу. После «Руссо» он выпустил книгу об утопиях⁶, и уже в ней появились главы, посвященные революционному Парижу и новому календарю. От утопий он плавно перешел к революционным проектам преобразования человека и мира, образования и просвещения: в 1982 г. он опубликовал сборник текстов⁷, со страниц которого звучали слова Робеспьера и Сен-Жюста, Мирабо и Талейрана, Кондорсе и Ромма. Увлечшись социальной системой образов⁸, Бачко все глубже погружался в Революцию, заинтересовался Термидором. Термидор для него – «этот тот ключевой момент, когда Революция должна взять на себя бремя своего прошлого и признать, что она не сдержала всех своих изначальных обещаний. В частности, этот тот момент, когда ее действующие лица провозглашают, что не хотят ни начинать ее вновь, ни исправлять ее. Термидор – это момент, когда у революционеров остается лишь одно желание, когда их вдохновляет лишь одно побуждение: закончить, наконец, Революцию»⁹.

⁵ Подробнее см.: Sitek R. Warszawska szkoła historii idei. Warszawa, 1999.

⁶ Baczkowski B. Lumières de l'Utopie. P., 1978.

⁷ Une éducation pour la démocratie. Textes et projets de l'époque révolutionnaire, présenté par B. Baczkowski. P., 1982.

⁸ Baczkowski B. Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs. P., 1984.

⁹ Бачко Б. Как выйти из Террора? С. 335.

Так, в конце 1980-х гг. окончательно сформировался тот круг тем, о которых Бронислав Бачко будет писать и далее: Просвещение и утопии¹⁰, Революция и культура¹¹ (вернее даже, Революция, увиденная и понятая через культуру), политическая история Революции¹². Он стал признанным специалистом по Французской революции, участвовал во многих коллоквиумах, активно выступал, публикуя статью за статьей и книгу за книгой. Его успех не может не поражать: много ли мы знаем примеров, когда философ и историк философии стал бы историком Революции?

Причина этого успеха, на мой взгляд, не только в уме, проницательности и иных талантах Бронислава Бачко. В не меньшей степени она кроется в его личном опыте. Террор, голод, война, чрезвычайные обстоятельства, которые не оставляют человеку выбора, требуют от него умения выживать и выжить – всё это для него не умозрительные конструкции. Хотя принято считать (и во многом это действительно так), что для французов Революция до сих пор не закончилась и по-прежнему возбуждает ожесточенные споры и разногласия, всё же проблемы репрессий и нарушения прав человека для французских историков никак не сопрягаются с тем, что им довелось пережить, и, соответственно, не переводятся в личную плоскость, оставаясь приметам и элементами давно закончившейся политической борьбы. Авторы современных трудов о Французской революции могут относиться к своим персонажам, их лексике, поступкам, мировосприятию с восхищением, с удивлением, с некоторой отстраненностью или даже брезгливостью, но никогда и речи не идет о сочувствии, понимании, сопереживании.

Для Бронислава Бачко дело обстояло совершенно иначе. Об этом прекрасно сказала в свое время известный французский историк, один из лидеров «критического» направления в историографии Французской революции Мона Озуф: «Никто, читая вас, не может забыть: к интеллектуальному анализу у вас всегда добавляется настороженный взгляд лишнего иллюзий свидетеля. В вашей прекрасной книге о Термидоре, когда вы рассказываете о чистках, очередях перед булочными, принесении в жертву старых друзей, реабилитации старых врагов, о преждевременно постаревшей Революции и лежащем на всем этом мрачном отблеске поражения, каждый чувствует, что вы могли бы просто написать, как писал под своими полотнами Гойя: “Я это видел”»¹³.

¹⁰ *Baczko B.* Job, mon ami. Promesses du bonheur et fatalité du mal. P., 1997.

¹¹ *Бачко Б.* Культурный поворот III года Республики // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 103-125.

¹² *Бачко Б.* Робеспьер и Террор // Исторические этюды о Французской революции. М., 1998. С. 141-154; *Baczko B.* Politiques de la Révolution française. P., 2008.

¹³ *Ozouf M.* Introduction // *Baczko B.* Espace démocratique et secousses révolutionnaire. Saint-Étienne, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

Чудинов А.В. (Москва)	
Народы против Французской революции	5
Сеше Р. (Пуатье)	
Вандея: от геноцида к «меморициду». Пер. с фр. Ю.В. Минеевой	36
Бовыкин Д.Ю. (Москва)	
Людовик XVIII и роялистское повстанческое движение на западе Франции	55
Чепурина М.Ю. (Москва)	
Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года	66
Зайцева Д.В. (Москва)	
Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальена	97
Сергиенко В.Ю. (Ницца)	
Политические проекты французских эмигрантов в 1792-1795 гг.	109
Прусская Е.А. (Москва)	
Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг.	125
Промыслов Н.В. (Москва)	
«Секретное оружие» бунта: подготовка Наполеоном кампании 1812 года	145

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Серна П. (Париж)	
Директория – Республика Центра? Обманчивое положение неуловимого буржуа. Пер. с фр. В.Ю. Сергиенко	165
Митрофанов А.А. (Москва)	
Взгляд на Революцию из современности: беседа с Пьером Серна	185
Митрофанов А.А.	
Синтез истории и философии в изучении Революции: беседа с Патрисом Генифе	197